

нания научных работ, например, Е.А. Торчинова и В.П. Андреева. Складывается впечатление, что для авторов существует только один авторитет в лице глубоководного профессора Н.В. Абаева, чьи работы вне всякого сомнения оказали очень значительное влияние на восприятие буддизма в нашей стране. Но это обстоятельство не может служить основанием для игнорирования работ других авторов и фактического выпадения рецензируемой книги из общего контекста российских буддологических исследований. И уж тем более это представляется неоправданным для официального учебного пособия.

В рецензируемой книге затронута весьма интригующая тема взаимопроникновения шаманизма и тэнгрианства в ходе формирования народных верованийх тувинцев. Эта проблематика мало изучена и с высокой вероятностью обладает вдохновляющей научной перспективой, однако, в учебном пособии не представлено результатов системного анализа имеющегося в научном обороте эмпирического материала, на основании которых можно было бы сделать научные выводы. Авторы ограничиваются констатацией наличия двух уровней единого синкретического комплекса тувинского буддизма — шаманского и тэнгрианского, — сопроводжая это утверждение лишь краткой характеристикой особенностей их функционирования в народном буддизме.

Кроме того, вызывает удивление повсеместное использование в тексте термина «ламаизм», несмотря на содержащуюся в книге (с. 18) и абсолютно оправданную, разделяемую многими исследователями критику научной обоснованности этого понятия.

Также обращает на себя внимание утверждение, что «ни в одной сутре или шастре нет даже намека на то, что кто-либо обрел состояние Будды без Учителя» (с. 32). Этот тезис не выдерживает критики, поскольку классификация «благородных личностей» в буддизме включает образ прагьека-будды, достигающего пробуждения исключительно с опорой на собственные усилия. Эта традиция осяцается авторитетом сутр, шастр и тантр.

Книга позиционируется авторами как учебное пособие, однако второй раздел, посвященный, в том числе, основам учения

тибетского буддизма, будет сложен для адекватного восприятия неспециалистом. В тексте отсутствуют определения многих используемых буддийских понятий, ряд исторических персонажей (например, Шантидева на с. 30) упоминаются без объяснения их роли и места в историческом процессе. Логичным решением может стать включение в состав учебного пособия небольшого словаря-гlossария, который существенно облегчит изучения материала для неподготовленного читателя.

В заключение необходимо отметить, что возрождение буддийской религиозной традиции в Туве, Бурятии и Калмыкии, заметный интерес к тибетским практикам среди части российского общества создают устойчивый запрос на научную популярную и дидактическую литературу, посвященную этим вопросам. Учебное пособие «Буддизм в Центральной Азии: история, основы учения и культура» вносит свой вклад в эту благородную деятельность.

М.Ю. Оренбург

Рецензия на: Головащенко С. **Дослідження та викладання Біблії в Київській духовній академії ХІХ-початку ХХ ст.** Монографія. К.: Видавничий відділ Української Православної Церкви, 2012. 356 с., іл.

Рецензируемая книга «Исследование и преподавание Библии в Киевской духовной академии ХІХ — начала ХХ ст.» принадлежит перу доцента кафедры философии и религиоведения Национального университета «Киево-Могилянская академия», к.филос.н. Сергею Головащенко, известному в религиоведческом сообществе двумя учебниками по истории христианства¹ и библистике². Как библист С. Головащенко также проявил

¹ Головащенко С. История христианства. Курс лекций. — К.: Либідь, 1999. — 352 с.

² Головащенко С. Библиезнаство. Вступний курс. Навч. посібник. — К.: Либідь, 2001. — 496 с

себя в качестве научного редактора перевода французского «Библейского словаря»¹. Конечно, издание индивидуальной монографии, посвященной Библии, являлось не столько неординарностью, сколько закономерным подведением итогов более десятилетнего исследования отечественной библеистики.

Прежде чем перейти непосредственно к содержанию рецензируемой книги отметим, что она подготовлена к печати издательским отделом Украинской православной церкви по благословению митрополита Киевского и всея Украины Владимира и вступительным словом архиепископа Бориспольского, ректора Киевской духовной академии и семинарии Антония. Книга является первой в серии, посвященной 400-летию киевских духовных школ (1615–2015 гг.), имеет твердую обложку, качественную бумагу, отличную печать, а также проиллюстрирована довольно большим количеством фотографий и репродукций. Высокий уровень издания книги был отмечен дипломом Гран-при на выставке в Киеве «Образование и карьера — 2013».

В структурном отношении книга С. Головащенко состоит из четырех разделов.

В первом разделе «У истоков Киевской православно-академической библеистики XIX–XX ст.» автором рассматривается распространение Священного Писания (или отдельных его книг) на территории современной Украины, каталогизация библиологической литературы в библиотеке Киево-Могилянской академии и отечественная традиция отношения к Библии. В первом параграфе речь идет об изданиях Библии в историческом контексте — автор, конечно же, упоминает «Острожскую Библию», «Пересопницкое Евангелие», «Библию Руску» и другие издания, менее известные специалистам. Сергей Головащенко каждый раз уточняет, с какого языка был переведен или сверен текст, что, по его мнению, довольно важно для целостного понимания становления отечественной библеистики. Теоретически важным для становления этой дисциплины в Киеве являлось

¹ Лангула А. Муане Ле А. Спіс Ф. та ін. Святе Письмо в європейській культурі. Біблійний словник / Пер. з фр. — К.: Дух і Літера, 2004. — 320 с.

наличие в библиотеках (не только КДА) как отечественных, так и западноевропейских изданий Священного Писания, зарубежной комментаторской и исследовательской литературы. Автор не только перечисляет различные группы книг (славянские издания Библии и отдельных ее книг, учебники по библейской исагогике, герменевтике и экзегезе и пр.), но и называет все известные издания — иногда эти перечисления занимают до 1,5 страниц. Далее киевский исследователь дает характеристику всем этим изданиям с перспективой «репрезентированных их авторами культурных, конфессиональных, герменевтических традиций» (с. 45). В конечном итоге автор приходит к тезису о толерантности и прагматичности киевских библеистов по отношению к европейской традиции (с. 62) — католическая и протестантская традиции переводов, комментариев и критического осмысления Библии в полной мере использовались киевскими интеллектуалами в области библейско-гебраистических и библейско-переводческих студий (с. 76). Следует отметить, что в первом разделе автор отдельно рассматривает отечественную традицию осмысления Библии — в его поле зрения попали Ф. Прокопович, С. Яворский, Г. Сковорода, С. Тодорский, архиепископ Феоктист (Мочульский) и епископ Ириней (Фальковский).

Второй раздел монографии «Библеистика в Киевской духовной академии XIX — начала XX ст.: образовательный аспект» посвящен преподаванию ряда дисциплин, прямо или косвенно связанных с изучением Священного Писания. Тут рассматриваются и влияние принятия новых уставов КДА на преподавание Библии, и структура и содержание библиологических дисциплин. Важно отметить, что в исследовании неоднократно речь идет о том, что одной из основных целей изучения Библии является апологетическая. Автор книги не только упоминает о том, что студенты должны были писать самостоятельные работы на библейские темы, но и анализирует их процентное соотношение с иными темами работ, и сами работы, и отзывы на них. Отдельный параграф посвящен преподаванию библейских языков: иврита и древнегреческого, а последний — популярности Библии. При всей фактологической насыщенности и тщательности автора, по нашему мнению, материал второго раз-

дела является более ценным с точки зрения изучения истории КДА, нежели истории развития собственно библеистики.

Из третьего раздела «Библеистические штудии в Киевской духовной академии XIX — начала XX ст.: европейский и отечественный контексты» читатель узнает о восприятии западноевропейской библеистики, развивающейся на основании рационализма и либеральной теологии. Тут читатель найдет известные всем имена Д. Штрауса, Ф.Х. Баура, Ю. Велльгаузена, Э. Ренана, Ф. Шлеермахера и других западноевропейских исследователей. Очерчена реакция преподавателей КДА на зарубежную библеистику, однако сделано это без подробностей, автор исследования не вдается в детали и оставляет читателю самому разобрататься в критических замечаниях, приводя довольно обширную библиографию по данной проблеме. В третьем разделе книги речь также идет о также представлено возникновении интереса к евским библеистов к славянской Библии. С. Головащенко отмечает отсутствие в конце XVIII в. изданий Библии на восточнославянских языках XVI–XVII ст. и возникновения интереса к ним в XIX в. Этот интерес исследователь объясняет «внутренней культурно-религиозной потребностью — потребностью сохранения и аутентичного воссоздания одного из важных источников литургической традиции Православной Церкви» (с. 167). И, наконец, в третьем же разделе С. Головащенко представляет вклад профессорско-преподавательского состава КДА в появление «Толковой Библии Лопухина». В данном случае, в первую очередь, речь идет о наследии профессора Я.О. Олесницкого: «его «Правила» для составления популярных примечаний к Синодальному переводу были весомым вкладом в историю становления традиции российских толковых Библий» (с. 182).

Четвертый раздел озаглавлен автором «Проблемное поле киевской православно-академической библеистики XIX — начала XX ст.». В первую очередь, С. Головащенко называет основные направления развития библеистики в Киеве: библейские языки, переводы Библии, библейская палеография и текстология, библейская исагогика, библейская экзегеза и библейское богословие, библейская история, библейская археология, библейская культура (общество, образование, право и религия), Библия и

иные культуры, Библия и иудаизм, Библия как учебная дисциплина, апокрифическая литература, историческая критика Библии, научное исследование Библии, библейский конкордизм, критико-библиографические публикации. Каждому из направлений автор монографии дает краткую характеристику, а также предлагает обширную библиографию.

До сих пор у читателя складывается впечатление, что, несмотря на обширную базу источников, С. Головащенко как-то довольно поверхностно рассматривает вопросы. Читатель понимает, что, если каждую поднимаемую киевским исследователем проблему можно было бы расширить как минимум вдвое — необходимо лишь подробнее рассмотреть публикации того или иного исследователя, сравнить с аналогичными публикациями духовных академий в Москве или Санкт-Петербурге, — то исследование получится возможным. Начиная же с параграфа 4.2. «Стефан Сольский и развитие православной библейской исагогики» такое впечатление у читателя исчезает. В этом и последующих трёх параграфах довольно подробно раскрываются библеистические изыскания профессоров С.М. Сольского, Я.О. Олесницкого, Д.И. Богдашевского (епископ Василий), В.П. Рябинского, А.А. Глаголева (протоиерея), Ф.Я. Покровского, архимандритов Порфирия (Успенского) (позднее — епископ) и Антонина (Капустина). Например, особенными библеистскими интересами профессора С.М. Сольского названы библейское богословие, практическая, гомилетическая и нравственная экзегеза, история библеистских исследований и толкований Библии, проблемы библейской исагогики. Профессору Якиму Алексеевичу Олесницкому (1842–1907) фактически посвящено полтора параграфа (более 35 стр.), в которых детально раскрываются его теоретическая и практическая работа в области библейской археологии, текстуальной критики и герменевтики Библии. Тут автор позволяет себе частые цитирование и комментирование киевского библеиста. Фактически С. Головащенко открывает для читателя незаурядность творческого наследия Я.А. Олесницкого. Подобное он проределяет и с другими вышеупомянутыми библеистами.

В целом книга производит довольно позитивное впечатление. Хотя необходимо признать, что она не оправдала моих личных ожиданий. Речь ни в коем случае не идет о качестве исследования, а, скорее, о его направлении. Я как религиовед надеялся, что эта монография станет определенным вкладом вписание истории отечественной религиоведческой мысли, что она будет повествовать о «проторелигиоведении». Конечно, если читать под таким углом книгу С. Головащенко, то можно выделить для себя ценные положения, однако для этой перспективы было бы полезнее, если бы книга писалась именно с этой целью. Автор же ставил себе иную цель: «лишь в общем очертить широту проблемного поля и значимость научной разработки вопросов, связанных с реконструкцией истории киевской духовно-академической библистики» (с. 11). В этом отношении автор прекрасно справился с достижением поставленной перед собой цели.

Напоследок хотелось бы еще сделать одно замечание, которое, судя по всему, связано с тем, что книга готовилась к печати издательским отделом УПЦ: в книге встречаются непонятные в светских академических изданиях, но употребляемые в церковных публикациях стандарты. Я имею в виду написание определенных специфических терминов с большой буквы, это касается слов «православие» (с. 65), «литургия» (с. 282, 283), «христианская церковь» (с. 289).

В целом исследование С. Головащенко следует признать оригинальным и ценным вкладом в изучение отечественной интеллектуальной истории. Его книга будет интересна, прежде всего, тем, кто занимается изучением истории Русской православной церкви в целом, а в частности развитием богословских дисциплин и духовных школ в Российской империи.

О.С. Киселев

Рецензия на: *Панин С. Современное колдовство. Вика и ее место в духовной культуре XX — начала XXI века.* М.: Клуб Касталия, 2014. 244 с.

Вика давно стала частью массовой культуры: те или иные ассоциации с этим религиозным движением наверняка найдутся у каждого. Сюжеты, связанные с этой современной колдовской религией фигурируют, например, в таких популярных сериалах как «Настоящая кровь», «Американская история ужасов: Ковен», «Салем», «Дневники вампира». Предыдущее поколение наверняка помнит и сериал «Зачарованные», ключевым символом которого является викканский трилистник. Ну а кому-то, возможно, придут на ум кадры из фильма Оливера Стоуна «The Doors»: обнаженный Джим Моррисон пьет из чаши крови со своей будущей женой Патрицией Кеннили, разумеется, тоже обнаженной, которая объясняет ему, что колдовство — это не магия, а религия, восходящая к дионисийским мистериям и вакханалиям; красная кровь смешивается с белым порошком, мужское с женским, Патриция становится Богиней, а Джим — Рогатым Богом...

Несмотря на популярность и распространенность образов вики в популярной культуре, а также обилие оккультной литературы по данной теме, академических исследований ви канства не так уж и много, а в России они до сих пор фактически отсутствовали. Рецензируемая монография — это первая попытка комплексного научного анализа современной версии колдовской традиции. И хотя автор скромно заявляет в предисловии, что не претендует на неожиданные и сенсационные открытия, а лишь стремится систематизировать накопленный к настоящему моменту массив информации о вике, читатель наверняка сможет сделать для себя немало интересных открытий, попутно избавившись от различных стереотипов о колдовстве.

Действительно, монография С. Панина носит прежде всего обзорный характер: в десяти главах автор подробно разбирает вопрос о происхождении вики и ее связи с другими формами колдовства и язычества, описывает различные направления вики, ее символику и ритуалы, верования, организаци-